

КОНФЕРЕНЦИЯ

«ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 314.74.53-054.72

Е. В. Грунт
Н. В. Киммель

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ НА о. БАЛИ

В статье рассматриваются концепции «диаспоры», имеющиеся в социальной науке, предлагаются критерии для ее анализа. Основное внимание уделяется вопросу формирования русскоязычной диаспоры на о. Бали. Авторы показывают, что процесс этот носит стихийный, незавершенный характер, дается анализ основных характеристик формирующейся русскоязычной диаспоры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диаспора, русскоязычные эмигранты, критерии, диаспорное сознание, корпоративность, ассимиляция.

Сегодня на фоне все более интенсифицирующихся миграционных потоков немалое число россиян устремляется на постоянное место жительства в другие страны, выбирая такие популярные в этом плане направления, как Турция, Египет, Арабские Эмираты, Индонезия (Бали). Это преимущественно мусульманские страны. Так, в Турции проживает более 94 % мусульман, в Египте — более 90 %, в Арабских Эмиратах — около 70 %, а Индонезия является самой крупной по численности мусульман страной в мире [6]. В разных странах жизнедеятельность русскоязычной диаспоры осуществляется по-разному. В одних происходит ее формирование, например, в Египте, Индонезии, в других — распад и ослабление влияния на эмигрантов, например в Турции.

Прежде чем давать характеристику русскоязычной диаспоры в мусульманских странах, обратимся к понятию «диаспора».

В социальной и гуманитарной науке не существует однозначного мнения по вопросу о том, что такое диаспора. В связи с терминологической запутанностью, междисциплинарным и парадигмальным характером самого понятия «диаспора» выделение характерных признаков диаспор становится проблематичным. Каждый исследователь рассматривает диаспору с точки зрения предмета своей науки

и специфического подхода в исследовании, а каждый научный подход выделяет свои признаки и критерии, изучает разные аспекты рассматриваемого феномена, причины формирования и факторы влияния на общественные процессы, акцентируя внимание на более весомых и значимых характеристиках диаспоры. Однако стоит отметить, что междисциплинарные исследования не противоречат, а взаимно дополняют друг друга.

В настоящее время участились попытки исследовать любые перемещения людей, связанные с пересечением государственных границ с точки зрения процессов диаспоризации, что фактически привело к тому, что диаспорой стали называть любое этническое рассеяние, даже если оно не отвечает критериям классической диаспоры. В частности, диаспорами стали считаться все этнические группы, по каким-либо причинам (включая такие, как ведение бизнеса, трудовые контракты, туризм и т. д.) проживающие за пределами страны происхождения. В этой связи, чтобы избежать неопределенности, многие исследователи стали рассматривать сообщества трудовых мигрантов в качестве «классической» диаспоры. Однако, на наш взгляд, подобные сообщества соотносить с термином «диаспора» не совсем уместно, так как понятие «трудовые мигранты» — категория не постоянная. Приезжающие на заработки мигранты чаще всего через короткий промежуток времени покидают страну пребывания, и поэтому, по нашему мнению, рассматривать их как полноправных представителей диаспоры неправомерно. Рамки статьи не позволяют проанализировать все имеющиеся концепции диаспоры, рассмотрим лишь некоторые из них.

В настоящее время под диаспорой чаще всего подразумевается любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное (эндогамное) меньшинство, объединенное общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности [5, 65–68]. Мы полагаем, что данное определение существенно расширяет само понятие «диаспора» и не дает четких критериев ее анализа. Основной акцент при этом делается на решение проблемы существенных признаков эталонных, или модельных, общностей, в качестве которых рассматриваются исторические диаспоры, прежде всего еврейская.

Действительно, в первоначальном виде понятие «диаспора» описывало изгнание евреев с исторической родины и их разбросанность по многим странам. Подавляющее большинство исследователей диаспоры и сегодня признают, что само понятие должно опираться на модель еврейской диаспоры. Первородность еврейского рассеивания рассматривается чаще всего в качестве исторически сложившегося «идеального» прототипа, на основе которого делаются попытки классификации других подобных сообществ как соответствующих или не соответствующих критерию диаспоральности. Эта ситуация отражена в разнообразных зарубежных энциклопедиях и энциклопедических словарях. Практически все они отмечают, что понятие «диаспора» (греч. «рассеяние») возникло для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества различных народов, культур и религий. В авторитетной «Британике» это понятие трактуется только через призму еврейской истории и относится лишь к жизни этого народа [6]. Другие энциклопедические словари и справочники

добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах, нередко на положении национально-культурного меньшинства.

Так, рассматривая диаспору в ее классическом варианте, т. е. опираясь на историю еврейского рассеяния, американский историк У. Сафран выделяет шесть базовых характеристик классической диаспоры: рассеивание из единого центра, коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация, ощущение чужеродности принимающей стороны, стремление к репатриации, помощь исторической родине, идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности. Мы видим, что акцент в концепции У. Сафрана делается на отношении диаспоры к стране исхода, уделяется особое внимание связям по линии «страна исхода — принимающая сторона — диаспора». Эти отношения интерпретируются исследователями как «оперативный аспект» мифа о стране исхода и служат в качестве стабилизатора групповой идентичности» [4, 83–99]. Концепция классической диаспоры У. Сафрана вызвала ряд дискуссий в научных кругах и была подвергнута критике. В частности, Дж. Клиффорд указал на то, что большая часть еврейского исторического опыта не соответствует мифу о возвращении и стремлению евреев поддержать страну исхода. Возникновение еврейского государства не вызвало у значительной части евреев желания репатриации. Миф о возвращении является средством для повышения сплоченности и сохранения самосознания, когда религия уже не способна выполнять эту функцию, а также когда связи с общинами ослабевают и диаспора опасается дезинтеграции. Наличие чувства групповой солидарности также сомнительно, особенно когда речь идет о политических, экономических и прочих интересах народа [1, 302–382].

Другая концепция классической диаспоры была разработана А. Ашкенази и опирается на шесть основных характеристик или стратегий еврейской диаспоры:

1) подвижность (возможность смены принимающей стороны посредством переселения из одного государства в другое и перехода из одной общины в другую);

2) наличие сетей коммуникаций для обеспечения функционирования диаспоры, поддержания контактов, передачи ресурсов между общинами, оказания политического и экономического влияния на страны пребывания;

3) интуитивный коммуникативный код с собственной символикой, обеспечивающий общение членов диаспоры и передачу культурной информации, традиций, сохранение этнической идентичности;

4) политический конформизм, ограничение предмета взаимодействия с властями страны пребывания лишь интересами общин, проблемами и возможностью их беспрепятственного решения;

5) низкое демографическое представительство, не позволяющее диаспоре раствориться и укорениться, а также стать этнотерриториальной группой в принимающем обществе;

6) наличие интегрирующего мифа, выражающегося в сильном тяготении к стране исхода или стремлении туда вернуться [3, 18–19].

На наш взгляд, данная концепция более применима к различным диаспорам, так как ее характеристики более конкретизированы. Однако мы понимаем, что

не все диаспоры поддерживают идеологию репатриации, особенно новые, сформированные посредством добровольной миграции. К тому же многие из диаспор, считающиеся классическими (например, китайская), не соответствуют данному критерию.

Мы считаем, что диаспора — это устойчивая социально-этническая группа, характеризующаяся проживанием за пределами своей исторической родины при сохранении этнического самосознания и наличии социальных институтов для развития и функционирования данной общности. Нами выделены критерии для анализа диаспоры. К ним относятся:

- принадлежность к меньшинству населения. Низкое демографическое представительство не позволяет диаспоре раствориться и укорениться, а также стать этнотерриториальной группой в принимающем обществе;

- корпоративность, т. е. чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие взгляды и убеждения;

- диаспорное сознание, т. е. этническое самосознание. Это осознание социокультурной общности со страной исхода — самоидентификация с определенным этносом, приверженность исторической традиции, духовной, материальной и языковой культуре страны исхода, а также стремление сохранить эту этническую самобытность;

- стремление противостоять ассимиляции путем организации органов самоуправления и заключения моноэтнических браков. Формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, на эффективную социализацию.

Кроме того, необходимо отметить важные, по нашему мнению, характеристики диаспоры:

- диаспора — динамичное социальное явление. С целью самосохранения, в ответ на внутренние и внешние воздействия, диаспора вынуждена постоянно изменяться;

- диаспора формируется в определенных исторических условиях, под влиянием ряда политических, социально-экономических, социально-культурных факторов, влияющих на конкретный этнос. Таким образом, исторические причины формирования той или иной диаспоры оказывают существенное влияние на ее характерные черты [2, 32–43]. Исходя из этого, каждая диаспора, имеющая свою историю формирования, может обладать разными характеристиками. Поэтому приведенные выше характеристики не стоит рассматривать в качестве абсолютных.

Зимой 2011 г. авторами статьи было проведено социологическое исследование в Индонезии (о. Бали) по изучению русскоязычной диаспоры. Методами сбора первичной информации выступили анкетный опрос эмигрантов, глубинное интервью и включенное наблюдение. Методом анкетного опроса было опрошено 350 русскоязычных эмигрантов, методом глубинного интервью — 35 респондентов.

Анализ результатов исследования показал, что в составе опрошенных, проживающих в Индонезии, преобладают эмигранты мужского пола (53 %). Преобладание на о. Бали эмигрантов мужского пола мы связываем с причиной, которую указали отдельные респонденты, — занятие серфингом.

Что касается возраста респондентов, то подавляющее большинство опрошенных нами представителей русскоязычной диаспоры являются людьми относительно молодого возраста. Об этом говорят следующие показатели: возраст большинства респондентов 26–30 лет (79,0 %); 6 % опрошенных находятся в возрасте 21–25 лет, 19,9 % — в возрасте 31–40 лет, 3,3 % — в возрасте 41–50 лет. В составе населения о. Бали русскоязычные эмигранты составляют менее 5,0 % населения.

Большинство русскоязычных эмигрантов (86 %) на Бали из России; 13,2 % респондентов приехали в Индонезию из СССР. Большинство эмигрантов имеют высшее образование, полученное в стране исхода, небольшой процент опрошенных в Индонезии указали, что получили образование в другой стране.

Из рис. 1 видно, что в целом уровень образования представителей русскоязычной диаспоры высокий, что, на наш взгляд, помогает эмигрантам проще адаптироваться к новым условиям проживания и найти работу. Таким образом, что касается первого выделенного нами критерия: в принимающей культуре русскоязычные эмигранты составляют меньшинство населения, что не позволяет им стать этнотерриториальной группой в принимающем сообществе.

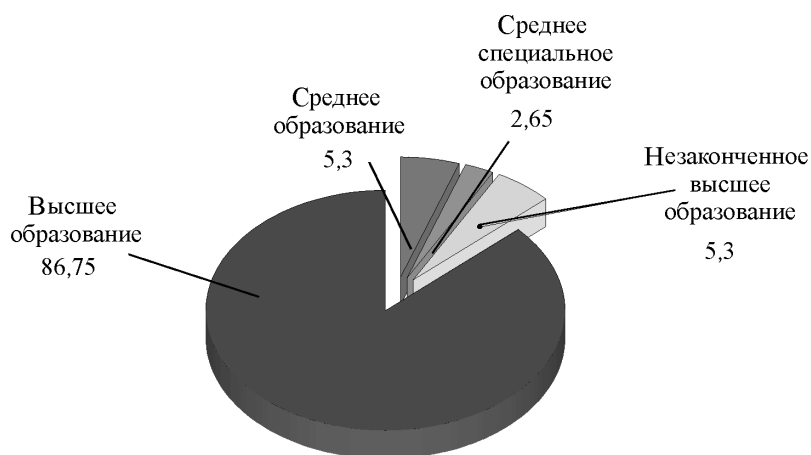

Рис. 1. Уровень образования русскоязычных эмигрантов, % к числу опрошенных в каждой группе

Анализ рис. 2 показывает, что русскоязычные эмигранты — это в основном работающее население. Так, полную занятость имеют 48 % опрошенных представителей русскоязычной диаспоры, а частичную — 28 %. Равный процент опрошенных (21 %) указали статус «не работаю и не учусь».

Таким образом, можно констатировать, что результаты исследования говорят о высоком уровне занятости эмигрантов. Что касается сферы занятости русскоязычных эмигрантов, то можно отметить, что она довольно разнообразная.

Анализ результатов проведенного исследования показывает, что большой процент опрошенных занят в туризме (27,2). Также большой процент опрошенных

Рис. 2. Уровень занятости русскоязычных эмигрантов в мусульманских странах, % к числу опрошенных в каждой группе

эмигрантов занят в сфере спорта (серфинг — 26,1; йога — 4) и бизнеса (16,2). Кроме того, 12 % опрошенных занимается программированием. Проанализировав данные исследования в сфере занятости русскоязычных эмигрантов в целом, можно сделать вывод о том, что, поскольку большинство русскоязычных эмигрантов — работающее население, кроме того, владеющее собственным бизнесом, то уровень материального достатка эмигрантов выше среднего. Эти данные коррелируют с данными об удовлетворенности эмигрантов своим материальным положением.

Исследование показало, что большинство эмигрантов довольны своим социальным статусом (85,4 % опрошенных). При этом 15,9 % опрошенных в Индонезии считают, что их статус повысился. Не удовлетворены собственным социальным статусом 7,3 % респондентов; 11,9 % опрошенных считают, что социальный статус понизился. Однако, по мнению большого количества респондентов, с переездом в другую страну их социальный статус остался без изменений (72,2 %).

Таким образом, мы охарактеризовали представителей русскоязычной диаспоры по социально-демографическим признакам. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что в целом представители русскоязычной диаспоры на о. Бали — это разновозрастная группа эмигрантов (с преобладанием молодого поколения), различная по гендерному аспекту, с высоким уровнем образования и материального обеспечения, разнородная по сфере занятости и удовлетворенная своим социальным статусом.

Анализ периода проживания эмигрантов в принимающей культуре, зафиксировал, что меньшинство респондентов, т. е. 89,0 %, проживают на о. Бали более 10 лет. Это говорит о том, что русскоязычная диаспора начала формироваться здесь не так давно. Это связано в первую очередь с тем, что данное туристическое направление стало общедоступным для России сравнительно недавно (в начале XXI в.), когда на острове появились гостиничный сервис и авиасообщение. Кроме того, влиятельными причинами, способствующими интенсивному развитию

данного направления и, в частности, формированию здесь русскоязычной диаспоры, являются столь популярный сегодня во всех странах мира серфинг и возможность развития собственного бизнеса. Таким образом, Индонезия сегодня — это интенсивно развивающееся новое направление, с каждым годом привлекающее большое количество эмигрантов. Это подтверждают данные глубинного интервью: «Десять лет назад на о. Бали не была развита инфраструктура. Это был дикий экзотический остров, где не было ни отелей, ни ресторанов, ни шикарных вилл, ни супермаркетов» (Евгений, бизнесмен, 44 года).

Для нашего исследования большое значение имеет выявление проблем, возникших у эмигрантов при переезде в другую страну. Так, большой процент опрошенных указали на их наличие. Исследование выявило, что самой существенной проблемой, которую выделили больше половины респондентов, оказалось «возникновение чувства одиночества». Так считают 53,6 % респондентов, проживающих на о. Бали. И это, на наш взгляд, вполне естественно, так как, попадая в новую культуру, человек сталкивается с необычными для него условиями и ищет поддержку со стороны друзей или знакомых. На этом этапе существенную роль в адаптации играет диаспора.

На втором месте по значимости стоят взаимоотношения с местными жителями. Шестнадцать процентов респондентов, выбравших своим местом жительства о. Бали, отметили, что при переезде в другую страну ощутили на себе неприязнь местных жителей. Это объясняется тем, что отношение к русским эмигрантам в таких туристических странах, как Турция, Египет, Арабские Эмираты, негативное. Так, отрицательное отношение к русским эмигрантам в Турции и Египте объясняется бурным развитием туризма, доступного для широких масс населения, негативным поведением русских туристов на курортах, особенно русских женщин. Но в отношении Индонезии довольно сложно сказать о негативном отношении местного населения к русским, так как последние рассматриваются на Бали прежде всего как владельцы капитала: Индонезия — относительно новое туристическое направление, и позволить себе отдых там могут довольно состоятельные люди. Однако, несмотря на хорошее отношение к русским в Индонезии, 30,4 % опрошенных указали, что имеют место конфликты с местными жителями, но, на наш взгляд, эти суждения довольно субъективные: все респонденты, указавшие эту причину, занимаются серфингом, и в данном случае подобные конфликты могли возникать на почве спортивной конкуренции.

Кроме того, респонденты указали на наличие бытовых проблем (8,8 %). Мы полагаем, что это вполне закономерно, так как разница в менталитете и культуре, обычаях существенно влияет на бытовые условия. На трудности приобщения к другой культуре указали 7,1 % опрошенных русскоязычных эмигрантов в Индонезии. Сравнительно небольшой процент отмечает, что респондентам было довольно легко адаптироваться к новой культуре и, следовательно, приобрести новую культурную идентичность. Помимо этого 5,4 % опрошенных, проживающих в Индонезии, отметили еще одну проблему, возникшую при переезде в Индонезию, — «несовместимость религиозных убеждений». Вместе с тем низкий процент отметивших данную проблему указывает на то, что религиозные убеждения также не стали значительным препятствием для новопривывших эмигрантов во

взаимодействии с новой социокультурной средой (группой). Такую проблему, как «сложность в общении из-за незнания языка», выделило 9 % опрошенных. Однако здесь необходимо отметить, что практически все взрослое население Индонезии владеет английским языком, чего нельзя сказать о русскоязычных эмигрантах. Помимо этого 18 % респондентов, проживающих в Индонезии, указали «на сложности с поисками работы». Мы полагаем, что это довольно субъективные суждения, так как на о. Бали функционирует значительное количество организаций, нуждающихся в сотрудниках, владеющих русским языком.

Исследование показало, что русскоязычные эмигранты проводят свой досуг в кругу семьи, русскоязычного населения. Сегодня на о. Бали открываются русскоязычные детские сады, школы, рестораны и магазины. Все это свидетельствует о наличии корпоративности у русскоязычных эмигрантов и об их стремлении противостоять ассимиляции в принимающей культуре.

Таким образом, проанализировав жизнедеятельность русскоязычных эмигрантов на о. Бали, можно сделать следующие выводы:

- общность русских эмигрантов, проживающих на острове, можно рассматривать как формирующуюся диаспору, так как для ее анализа применимы критерии, соответствующие анализу диаспоры;

- на Бали в настоящее время происходит процесс формирования русскоязычной диаспоры, который носит стихийный, незавершенный характер;

- в гендерном отношении русскоязычная диаспора представлена преимущественно мужским населением, в возрастном — в большей степени молодыми людьми с высоким уровнем образования.

1. Clifford J. Diasporas. *Cultural Anthropology*. 1994. 9(3). P. 302–382.

2. Грunt Е. В., Киммель Н. В. Особенности русскоязычной диаспоры в мусульманских странах // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире» в рамках конвента «Модернизация обществ модерности». Екатеринбург, 2013. С. 34–42.

3. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 18–19.

4. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora*. 1991. Vol. 1, № 1. P. 83–99.

5. Стрельченко С. В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов // Энергия. 2006. № 7. С. 65–68.

6. Энциклопедия Британника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.britannica.com> (дата обращения: 15.08.2014).

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2014 г.